УДК 94(47).084.6

В.А. Ипполитов, А.А. Слезин

АПОГЕЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ: РОЛЬ КОМСОМОЛА

Раскрывается одна из наименее исследованных страниц истории ВЛКСМ – организации, которой в 2018 г. исполняется 100 лет. Изучена роль членов ВЛКСМ в процессах преобразования сельского хозяйства на рубеже 1929–1930 гг., когда отмечены наиболее высокие темпы коллективизации. Выявлены причины обострения противостояния комсомольцев и крестьян. Показано, что руководство партийных и государственных органов на местах сознательно обостряло не только данное противостояние, но и борьбу с инакомыслящими внутри молодежного союза.

Ключевые слова: крестьянство; коллективизация; комсомол; насилие; протесты; настроения.

В советской историографии, как правило, ошибки комсомольцев в коллективизации оценивались как незначительные. Так, А.Н. Новиков писал, что «некоторые ячейки не поняли диалектического единства задач социалистического соревнования в области колхозного строительства и ленинского принципа добровольности» [1. С. 38]. В исследованиях последних десятилетий доказано, что «перегибы» являлись сознательной, навязанной сверху политикой. Наиболее убедительно на сегодняшний день это показано на материале отдельных регионов [2–5]. Цель данной статьи – выявить общие черты и последствия деятельности комсомольцев на «пике» сплошной коллективизации сельского хозяйства: на рубеже 1929–1930-х гг.

Изучение истории комсомольских организаций, действовавших в этот период, убеждает: идеи классовой борьбы попадали в подготовленную почву. Для молодых людей, выросших в годы войн и революций, было характерно черно-белое восприятие действительности, они верили, что, устранив всех врагов, можно легко построить «светлое будущее». Антикулацкие настроения особенно ярко проявлялись в среде руководящих кадров комсомола. В январе 1930 г. на совещании секретарей окружкомов по вопросу о том, что делать с молодыми кулаками, раздавались голоса: «Убивать их!» [6. Д. 64. Л. 244]. Случалось, что комсомольцы были настроены к кулакам более агрессивно, чем местное партийное руководство. Так, когда секретарь Средне-Волжского крайкома партии М.М. Хатаевич предложил принимать в колхоз лояльных коллективизации кулаков, бюро комсомола всем составом явилось к нему доказывать ошибочность подобной установки. Комсомольцы гордо отмечали: «Мы здорово раскритиковали ошибку т. Хатаевича» [Там же. Л. 255].

Нередко классовыми врагами считали даже комсомольцев, порвавших связи с родственниками, если последние числились в противниках коллективизации. В ВЛКСМ велась активная борьба с теорией перевоспитания «молодого кулака».

Борьба с правым уклоном и левыми перегибами в самом комсомоле воспринималась как одно из наиболее действенных средств ускорения коллективизации. Правда, зачастую сельские комсомольцы с трудом представляли, чем левый уклон отличается от правого. Подчас в той или иной организации «правыми оппортунистами» объявляли всех неугодных, а в другой ячейке за такие же действия комсомолец мог быть объявлен «левым уклонистом».

Правым уклоном было названо решение комсомольской ячейки Красноярского района Средне-Волжского края о приеме кулаков в колхоз. При этом комсомольцы-«уклонисты» говорили про объявленных кулаками, что они «хорошие люди, добровольно идут и голосуют за колхоз лучше, чем беднота» [6. Д. 64. Л. 197]. В Ивановском районе комсомольская ячейка постановила на закрытом собрании, что «их кулаки разбогатели во время советской власти, поэтому выселять таковых не следует, а наоборот их необходимо вбирать в колхоз» [7. Д. 967. Л. 2]. Таким образом, значительная часть молодежи сочувственно относилась к кулакам. Идеи общинного единства все еще сохранялись в деревне, несмотря на агрессивную политику власти.

В тоже время комсомол принял активное участие в обобществлении семенных фондов. Но при этом нетрудно заметить, что руководство ВЛКСМ с самого начала не рассчитывало на сознательность сельских членов союза. Призывая участвовать в кампании, «Комсомольская правда» предупреждала о твердых репрессивных мерах по отношению к комсомольским ячейкам, не обеспечившим сбор и обобществление семян [8].

Отдельные организации, несмотря на трудности, добились успеха в этой работе. Так, комсомольцы Петровско-Кругловского сельского совета все силы бросили на обобществление семенного фонда, работая круглосуточно. В результате к 19 февраля 1930 г. работа была выполнена полностью [7. Д. 976. Л. 9]. В Центрально-Черноземной области (ЦЧО) комсомольцы обобществили 867 296 пудов семенного материала (по данным 7 округов) [Там же. Л. 8], в Западной Сибири было собрано 1 140 тысяч пудов [9. С. 194].

Нередко комитеты ВЛКСМ подчеркивали необходимость поставить в центр работы сельских комсомольских ячеек вопросы улучшения организации колхозной жизни. Так, в самый разгар коллективизации комитет ВЛКСМ Козловского округа обращал внимание на неудовлетворительное положение внутри большинства колхозов, отмечал низкую производительность труда и слабую дисциплину колхозников, отсталость культурно-бытовой сферы [10. Д. 144. Л. 24]. Неудачи работы на этом направлении обычно объяснялись загруженностью комсомольских организаций. По стране отмечались многочисленные случаи, когда полученные колхозами трактора стояли под открытым небом, в снегу, а комсомольцы на вопрос

об этой бесхозяйственности отвечали: «Как-нибудь это сделаем, сейчас не до машин» [6. Д. 64. Л. 273].

К тому же деревенские комсомольцы не горели особым желанием работать в колхозах. В январе 1930 г. секретарь Сызранского окружкома ВЛКСМ отмечал, что комсомольцы стремятся покинуть село, просят путевки на учебные курсы или командировку в Среднюю Азию или Кавказ [Там же. Л. 207]. В Николаевском округе члены союза активно работали в деле создания колхозов, но ничего не могли сделать в области их внутренней организации [Там же. Л. 250]. Руководство союза сетовало, что комсомольские ячейки занимаются «всем, чем угодно, только не жизнью в колхозах» [Там же. Л. 284].

Все это происходило на фоне ускорения темпов коллективизации. В процессе форсированной коллективизации практически не учитывалась местная социально-экономическая специфика. По свидетельству секретаря областного комитета ВЛКСМ ЦЧО В. Сорокина, уполномоченные по коллективизации, приезжая в деревню, давали директивы организовать колхоз в тот же день [Там же. Д. 66. Л. 144]. Отставание в темпах многими комсомольскими руководителями рассматривалось как правый уклон. Союзные организации соревновались друг с другом в темпах коллективизации. В Калужском округе были работники, которые коллективизировали 7 селений в течение 36 часов. В том же округе комсомольская газета писала: «Тот, кто не понимает, что округ можно полностью коллективизировать в две недели, тот сплошной оппортунист» [7. Д. 81. Л. 77]. В Орловском округе 10 февраля 1930 г. комсомольская ячейка приняла решение «коллективизировать сплошь сельский совет к 15 февраля» [6. Д. 66. Л. 151]. Секретарь Троекуровского райкома комсомола отчитался о росте процента коллективизации с 23 до 50% за 10 дней [10. Д. 151. Л. 93]. Раненбургский райком ВЛКСМ обещал с 7 до 12 февраля уровень коллективизации повысить с 70 до 100% [Там же. Л. 62]. Вместе с тем, руководство комсомола признавало, что в среднем 11% коллективных хозяйств «тут же распадалось» [6. Д. 64. Л. 249].

Подчас в колхозе обобществлялись дома, весь скот, рабочий инвентарь [10. Д. 151. Л. 49]. Некоторые комсомольцы открыто стремились к созданию коммун, объявляемых высшей формой коллективного хозяйства. Северо-Кавказские комсомольцы на собраниях заявляли: «Если вы не переведете устав сельскохозяйственной артели на коммуну, то мы из неё выйдем» [11. Д. 80. Л. 17]. Впрочем, применяя модные слова, комсомольцы нередко внятно объяснить их значение не могли [12]. Во многом объясняемое юношеским максимализмом стремление коммунистической молодежи к созданию коммун подкреплялось директивами партийных организаций [10. Д. 153. Л. 210].

В начале 1930 г. достигла своего апогея «гигантомания». В Ирбитском округе комсомольцы являлись активными создателями громадного колхоза «Гигант», а к 1 мая планировалось превращение всего округа в сельхозкоммуну [11. Д. 82. Л. 68]. В Западной области комсомольцы создали колхоз-гигант на 6000 га [7. Д. 976. Л. 70]. Увлеченные строительством громадных хозяйств комсомольцы давали им имена, начиная с вождей партии, заканчивая председателями окружных комитетов и районными секретарями партии. В Острогожском округе ЦЧО был организован колхоз имени А.В. Косарева, но, несмотря на поиски, окружкому так и не удалось его найти [6. Д. 66. Л. 145].

Свидетельством особой роли комсомольцев в их создании являлось присвоение гигантам имен в честь молодежного союза: колхоз имени Ленинского комсомола в 3 000 га (Вяземский округ), «Ленинский комсомол» в 18 360 га (Курский округ) [7. Д. 976. Л. 2,71]. В ходе создания последнего весь Фатежский район был сплошь коллективизирован, видимо в него механически записывали всех крестьян. Таким образом, неудивительно, что в феврале 1930 г. комсомольцы предлагали превратить Татарскую республику в сплошной колхоз [6. Д. 66. Л. 191]. Фанатичное стремление комсомольцев к высшим формам коллективизации привело к обратному результату – быстрому распаду искусственно созданных громадных коммун.

Одним из следствий обобществления скота стал его массовый убой, к которому оказались причастны и некоторые комсомольцы [10. Д. 171. Л. 66 и др.]. В Усманском районе ЦЧО комсомолец, являвшийся членом правления колхоза, в связи с обобществлением скота, продал своих коров и свиней [13. С. 242]. Ходили слухи о ненужности лошадей в условиях создания машинно-тракторных станций (МТС) («их нужно как можно быстрее сбыть, пока держатся цены» [10. Д. 171. Л. 66]). Сельские комсомольцы в данном случае были солидарны с прагматичной позицией большинства крестьянства.

Ужасает положение во многих насильственно собранных скотоводческих хозяйствах. Так, на Украине в одном колхозе из 100 с лишним свиней в течение двух дней пало 30 голов. На Северном Кавказе комсомольцы не знали, что делать с обобществленным скотом: «Если объединить – то молока даже по кружке не хватит всем, а не объединять – значит способствовать индивидуальному скотоводству» [14. Д. 64. Л. 250].

К 1 марта 1930 г. уровень коллективизации по стране достиг 56%, а отдельные регионы фактически ее завершили: ЦЧО – 81,8%, Башкирия – 81,2%, Татария – 77%, Московская область – 73%, Средне-Волжский край – 56,7% [15. С. 86]. Достижению подобных результатов во многом способствовала деятельность комсомольцев. Всего с осени 1929 г. до весны 1930 г. силами ВЛКСМ ЦЧО было организовано более 900 коллективных хозяйств [16. С. 15]. В Средне-Волжском крае комсомольцы в январе 1930 г. за 10 дней создали 232 колхоза [6. Д. 64. Л. 255]. За тот же срок в Ульяновском округе было организовано 27 колхозов (8,6% всех коллективных хозяйств) [Там же. Л. 211], в Татарской республике – 102 колхоза. По инициативе комсомольцев Западной области было организовано 127 колхозов [7. Д. 976. Л. 71], по данным 41 района Урала – 81 колхоз с 9 780 хозяйствами [17. С. 11].

Любопытно, что, несмотря на наличие громадного количества литературы, посвященной участию

комсомола в коллективизации, нет обобщающих данных о количестве колхозов, созданных по инициативе комсомола. Вероятно, это связано с тем, что партийное и комсомольское руководство интересовал, прежде всего, процент коллективизации крестьянства. Кроме того, информация с мест часто была противоречива и приукрашивала действительность, а большинство колхозов существовали лишь на бумаге.

В разгар форсированной коллективизации комсомольские активисты быстро перемещались по селам и деревням, повсеместно создавая колхозы, часто – при помощи насилия и администрирования. Тем самым у крестьян складывалось преувеличенное впечатление о роли комсомольцев в создании колхозов и раскулачивании. Значительная часть членов союза лишь пассивно участвовала в этих кампаниях.

Тем не менее комсомол, воспринимаемый крестьянством как одна из причастных к власти структур, в общественном сознании прочно ассоциировался с насильственными действиями «сверху». Молодые люди воспринимались крестьянами как проводники ненавистной им политики. Наблюдались многочисленные случаи срыва комсомольских собраний по колхозным вопросам. В Острогожском округе в селе Посредное были сожжены квартиры активных комсомольцев [13. С. 250].

В Солнцевском районе (Курский округ) активным комсомольцем были подброшены анонимные письма с угрозами. Одно из них гласило:

«Приветствуем смерть Ленина

И не возражаем, что умер» [7. Д. 976. Л. 5].

В Балашовском округе в селе Сергиевка в одной из листовок было написано: «Комсомольцев всех душить – так свободней будем жить» [18. С. 103].

В Татарской республике было (по крайней мере) 5 случаев террористических нападений на комсомольцев. В ЦЧО во время хлебозаготовок 1929 г. были убиты 17 комсомольцев [7. Д. 976. Л. 5], в январе – феврале 1930 г. по неполным данным – 20 комсомольцев [19. С. 53]. В Свердловском округе в первой половине 1930 г. погибло 12 комсомольцев [9. С. 194].

Наибольшей опасности подвергались комсомольцы, являвшиеся представителями местной власти в деревне. В деревне Мишуково (Московская область) был убит председатель сельского совета комсомолец Ветохин [20. С. 249]. В селе Горево (Нижегородский край) был убит секретарь комсомольской ячейки и председатель сельского совета Мансуров. В Нижне-Волжском крае в селе Воробьевка во время заседания правления колхоза выстрелом в окно был убит активный комсомолец Гришин [7. Д. 967. Л. 30].

Любопытно, что подобные действия для некоторых комсомольских активистов стали поводом для успешной оценки своей работы: раз есть убийства, значит активность есть!» [Там же. Д. 1065. Л. 108].

На фоне этих трагедий менее значительными выглядят другие происшествия: избиение комсомольцев в Донецком округе за демонстрацию в пользу коллективизации [6. Д. 64. Л. 242], нападение кулаков на комсомольца в селе Кандауровке [21. Д. 93. Л. 5] и т.д. Распространенным явлением были угрозы комсомольским активистам. Так, в Задонском районе крестьяне называли комсомольцев «грабителями, мерзавцами», угрожали «смыть с лица земли всю ячейку» [7. Д. 976. Л. 13].

Антагонизм между комсомолом и крестьянством только усиливали участвующие в коллективизации городские члены союза. Для многих молодых рабочих крестьяне представлялись реакционным консервативным классом, который необходимо радикально переделать. К тому же молодые рабочие приезжали в деревню, зачастую плохо разбираясь в сельском хозяйстве, после до предела формализованных курсов.

Психологическое состояние молодых рабочих, направленных на усиление сил «коллективизаторов» деревни, ярко передает письмо письме комсомолки Нелли Бурашковой: «Трудно работать, когда не знаешь крестьянскую обстановку. Мне дали литературу из Козлова, но она мне ни черта не дает. Я тут осабачилась. Иногда на собрании так осерчаешь, что готова встать и настучать всем по шеям. Тут такая скука, глухая деревушка» [22. Д. 315. Л. 84]. Для многих молодых рабочих крестьяне представлялись реакционным консервативным классом, который необходимо радикально переделать.

В свою очередь, даже отношение местных комсомольцев к приезжим 25-тысячникам нередко было негативным. В Сырдарьинском округе местные комсомольцы открыто выступили против московских 25-тысячников [6. Д. 66. Л. 154]. В Вяземском округе члены союза рассуждали: «Рабочие взяли власть в свои руки и живут хорошо, мало этого, на заводе деньги получают, так теперь и в колхоз пошли жалование получать не работая, руководить-то каждый может». Широкое распространение «зависти» к более обеспеченным рабочим выражалось в высказываниях молодых комсомольцев Глиневского района: «Вот посмотришь, как живет рабочий города, и на себя посмотришь, на свои лапти, так и подумаешь, как не было у крестьянина ничего, так и не будет, а рабочий в пальто еще говорит: иди в колхозы» [7. Д. 976. Л. 73]. Для крестьян было характерно восприятие рабочих как привилегированного слоя неких новых «баринов». Было зафиксировано множество случаев, когда 25-тысячники становились объектами террора [22. Д. 316. Л. 286].

Трудности работы в деревне приводили к тому, что в Пензенском округе из 150 посланных в деревню комсомольцев 10 человек сбежали. Уполномоченные объясняли это «позорное» явление тем, что ребята были нетвердые, слабые, испугались трудных условий работы. Сыграли свою роль завышенные требования на местах, когда работники сельских советов встречали комсомольцев со словами: «Ага, ты из Пензы, мы ждем от тебя что-то сверхъестественное» [6. Д. 64. Л. 208]. В Мордовской области наблюдались многочисленные случаи отказов комсомольцев-рабочих ехать в деревню. Мотивы подобного поведения объяснялись просто: «Во-первых моя поездка в деревню необязательна, во-вторых никак не могу договориться с организацией, иначе меня вышибут отсюда» [Там же].

Даже руководящие работники не всегда могли выдержать работу по коллективизации. В Курском округе убежал с работы даже секретарь райкома комсомо-

ла. Секретарь Медведенского райкома ВЛКСМ Арепьев, узнав о сплошной коллективизации, подал заявление об освобождении от должности. В том же округе член окружкома Авдеев совершенно отказался от работы по посевной кампании. В Обонянском районе дезертировали два бригадира, посланные окружкомом [7. Д. 976. Л. 8]. Таким образом, неприятие насильственной политики партии в деревне было характерно и для определенного слоя комсомольских работников среднего звена.

В связи с эскалацией административного произвола и откровенного насилия в процессе коллективизации, ситуация в деревне быстро накалялась. Если в январе 1930 г. число участников организованных массовых выступлений было 214 196, то в феврале уже 1 434 588 человек [23. С. 171].

Комсомольцы в то время воспринимались крестьянством как часть государственной репрессивной машины, поэтому они наряду с партийцами стали объектами нападений крестьян. В Майкопском округе в селах Великое и Вечное крестьяне на собраниях требовали разоружения партийцев и комсомольцев. Позже в этих же селах несколько членов союза были избиты за агитацию по хлебозаготовкам [13. С. 545]. 13 марта 1930 г. в Самарском округе в селе Дергачах в результате попытки комсомольцев снять колокола в церкви произошло крестьянское выступление. Возмущенные жители избили активистов и попытались сбросить одного из комсомольцев в колодец [Там же. С. 311]. В Шепетовском округе в Судиловском районе в ходе массового выступления комсомолец был загнан в реку, где утонул [18. С. 221].

Власть была крайне озабочена взрывоопасной ситуацией в деревне. На местах обучали коммунистов и комсомольцев владеть оружием. В создаваемые вооруженные отряды поголовно зачислялись члены и кандидаты в партию, а комсомольцев полагалось брать только добровольно. Но зачастую, как в годы Гражданской войны, в вооруженные отряды мобилизовывали всех или большинство комсомольцев.

В разгар крестьянских волнений комсомольские активисты были вовлечены в вооруженное противостояние с крестьянством. Факты участия комсомольцев в столкновениях с восставшими встречаются по всей стране. В местечке Алешки Херсонского округа комсомольцы стреляли по крестьянам из пулемета [13. С. 583]. В селе Буденном Белгородского округа при подавлении крестьянского восстания комсомолец застрелил крестьянина, напавшего с топором на местный актив [Там же. С. 265]. Согласно документальным свидетельствам в январе – феврале 1930 г. крестьянские выступления в Северо-Кавказском крае подавлялись отрядами ОГПУ и вооруженными членами партии и комсомола [13. С. 292].

К подавлению крестьянских волнений привлекался комсомольский состав военных училищ. Так, 1 февраля 1930 г. во время крестьянского выступления в село Репьевку (Острогожский округ) вошел партийно-комсомольский отряд из состава полковой школы и младшего комсостава в количестве 50 человек, с тремя пулеметами. В ходе столкновений с толпой крестьян курсанты применяли оружие, в результате чего 2 человека были убиты и 2 ранены [Там же. С. 265]. Участие комсомольцев в вооруженных подавлениях крестьянских волнений являлось кульминацией противостояния активистов молодежного союза и крестьянских масс.

Впрочем, члены союза применяли оружие только в крайних случаях. Как правило, комсомольцы пытались уговорами успокоить население. Так, в Средне-Волжском крае во время крестьянских волнений в селе Черкасское комсомольцы влились в толпу и своей агитацией успокоили население [Там же. С. 92].

В ЦЧО большинство крестьянских выступлений (в Бобровском, Березовском, Козловском, Лысковском районах) проходили под лозунгами: «Долой колхозы; Да здравствует Советская власть!» [6. Д. 66. Л. 146]. Значительная часть лозунгов носила яркий антикомсомольский характер: «Против комсомольцев, пионеров!» [13. С. 277]. Причинами выступлений чаще всего являлись коллективизация, раскулачивание, хлебозаготовки и антирелигиозная работа.

Таким образом, противостояние комсомольцев и крестьян стало одной из неотъемлемых черт ситуации, сложившейся к весне 1930 г. Недовольные политикой коллективизации крестьяне открыто направляли свою агрессию против коммунистического союза молодежи. Революционное нетерпение молодых активистов проявлялось в вере в возможность быстрого насильственного создания нового общества в условиях крестьянской страны. Комсомол выступал против стихийно формирующегося общекрестьянского фронта, стремясь к тому же отомстить за пострадавших товарищей. Руководство партийных и государственных органов на местах сознательно разжигало не только противостояние между крестьянством и комсомолом, но и внутрисоюзную борьбу с «уклонами». Учитывая склонность молодежи к экстремистским действиям, от комсомольцев можно было ожидать резкой эскалации конфликта. В сложившихся условиях только беспрекословная подчиненность комсомола партии (при условии изменения курса внутри самой партии) могла сработать на умиротворение «молодежного авангарда».

ЛИТЕРАТУРА

1. Новиков А.Н. Партийное руководство комсомолом в период подготовки и проведения коллективизации. М. : Высш. шк., 1982. 104 с.
2. Соболева А.Н. Участие молодежи БМАССР в модернизационных процессах 1920–1930-гг. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 184 с.
3. Никулин Р.Л. Социально-политические аспекты деятельности комсомола на начальном этапе сплошной коллективизации (1929–1930 гг. На материалах Тамбовского и Козловского округов ЦЧО) : дис. … канд. ист. наук. Тамбов, 2003. 229 с.
4. Митина Е.А. Государственная молодежная политика в деревне юга Дальневосточного края периода коллективизации (1927–1937 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Хабаровск, 2008. 244 с.
5. Андриец У.М. Комсомольские организации как политический ресурс в коллективизации сельского хозяйства Дальнего Востока // Россия и АТР. 2016. № 1. С. 250–260. URL: http://www.riatr.ru/2016_1.html).
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М – 1. Оп. 3.

7. РГАСПИ. Ф. М – 1. Оп. 23.
8. Батальоны комсомольцев – на семенной фронт // Комсомольская правда. 1930. 16 февр.
9. Курс лекций по истории ВЛКСМ. М. : Изд-во Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ, 1976. Т. 1. 375 с.
10. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. П – 379. Оп. 1.
11. РГАСПИ. Ф. М – 1. Оп. 2.
12. Комсомольская правда. 1930. 5 марта.
13. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. М. : РОССПЭН, 2000. Т. 2. 927 с.
14. РГАСПИ. Ф. М – 1. Оп. 33.
15. Ивницкий А.Н. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М. : Интерфакс, 1994. 272 с.
16. Алексеев В.А. Участие комсомольской организации ЦЧО в подготовке и проведении сплошной коллективизации сельского хозяйства (1928–1932) : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1969. 22 с.
17. Кузнецова А.М. Комсомол – помощник партии в борьбе за подготовку проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства на Урале : автореф. дис. … канд. ист. наук. Воронеж, 1971. 22 с.
18. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД : документы и материалы. М. : РОССПЭН, 2001. Т. 3. Кн. 1. 864 с
19. Алексеев В.А. Общественно-политическая работа комсомольской организации ЦЧО в деревне в период «великого перелома» // НЭП: экономика, политика. Идеология. Тамбов, 1991. С. 51–54.
20. Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.). М. : Наука, 1972. 360 с.
21. ГАСПИТО. Ф. П – 1214. Оп. 1.
22. ГАСПИТО. Ф. П – 855. Оп. 1.
23. Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М. : РОССПЭН, 2010. 367 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 февраля 2018 г.

THE APOTHEOSIS OF THE COLLECTIVIZATION CAMPAIGN: THE ROLE OF KOMSOMOL

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 64–69.
DOI: 10.17223/15617793/433/8

Vladimir A. Ippolitov, Tambov Regional Public Budgetary Professional Educational Institution the “Instrument-making college” (Tambov, Russian Federation). E-mail: vladimir.ippolitov@mail.ru
Anatoly A. Slezin, Tambov State Technical University (Tambov, Russian Federation). E-mail: slezins@mail.ru

Keywords: peasantry; collectivization; Komsomol; violence; protests; moods.

The authors have studied the role of Komsomol in the agricultural reforms during the late 1920s and early 1930s, when the highest rates of collectivization were registered. The source basis of the research includes the documents of the Russian State Archive of Socio-Political History and the State Archive of Socio-Political History of Tambov Oblast. The majority of the sources are introduced into scientific use for the first time. Komsomol is viewed as a sociocultural phenomenon. The comparison of the documents from different hierarchical levels, from the Central Committee to the primary organization, allowed the authors to impartially analyze Komsomol activities, and identify forms and methods used by Komsomol organizations to stimulate young people’s economic and mass work in the countryside in the midst of the collectivization campaign. It is shown that in the period of explosive collectivization campaign Komsomol members became chief Party assistants on economic and administrative issues. The special role of Komsomol members in the establishment of collective farms is testified by the fact that many collective farms were named after the Young Communist League. Komsomol members were responsive to the dispossession doctrine, in many ways this fact is explained by a high percentage of poor peasantry among the Union. Young people tended to perceive the reality “in black and white”; they believed that, after having eliminated the enemies, they can easily build a “glorious future”. Establishing collective farms, some Komsomol members used threats, violence and provocations, that is why peasants started to see them as conductors of a hateful policy. Peasants had to respond to violence: murders, anonymous letters with threats and assaults against Komsomol members were frequent enough. At the same time the documents testify that a considerable number of Komsomol members tended to avoid the immediate struggle with the “class enemy”. The neglect of the Party’s and Komsomol committees’ resolutions and anti-collectivization agitation prove mass resistance of Komsomol members against the state policy. This leads to a conclusion that Komsomol was not an integrated organization. The Party had to perceive the Young Communist League not only as a subject, but also as an object of the collectivization campaign. Young countrymen, who were not collective farm members and Komsomol members, who manifested sympathy to the dispossessed, were immediately excluded from the Union. According to the Regulations, any Komsomol member was to struggle against any kind of deviations from the Party’s “general line”. If previous studies contained many examples of how Komsomol fulfilled the organizational and economic function in the period of collectivization, this study proves that Komsomol was endowed with security and repressive functions. Confrontation of Komsomol members and peasants became one of the integral features of the situation developed by the spring of 1930. According to the authors, considering young people’s tendency for extremist actions, sharp escalation of the conflict on the part of Komsomol members was quite probable.

REFERENCES

1. Novikov, A.N. (1982) *Partiynoe rukovodstvo komsomolom v period podgotovki i provedeniya kollektivizatsii* [Party leadership of Komsomol in the period of collectivization preparation and conduct]. Moscow: Vysshaya shkola.
2. Soboleva, A.N. (2014) *Uchastie molodezhi BMASSR v modernizatsionnykh protsessakh 1920–1930-gg*. [Participation of young people of the BMASSR in the modernization processes of the 1920s–1930s]. Ulan-Ude: Izd-vo BSC SB RAS.
3. Nikulin, R.L. (2003) *Sotsial’no-politicheskie aspekty deyatel’nosti komsomola na nachal’nom etape sploshnoy kollektivizatsii (1929–1930 gg. Na materialakh Tambovskogo i Kozlovskogo okrugov TsChO)* [Socio-political aspects of the activity of Komsomol at the initial stage of complete collectivization (1929–1930, on the materials of the Tambov and Kozlovsky districts of the Central Chernozem Region)]. History Cand. Dis. Tambov.
4. Mitina, E.A. (2008) *Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v derevne yuga Dal’nevostochnogo kraya perioda kollektivizatsii (1927–1937 gg.)* [State youth policy in the village of the south of the Far East in the period of collectivization (1927–1937]. History Cand. Dis. Khabarovsk.
5. Andriets, U.M. (2016) Komsomol’skie organizatsii kak politicheskiy resurs v kollektivizatsii sel’skogo khozyaystva Dal’nego Vostoka [Komsomol organizations as a political resource in the collectivization of agriculture in the Far East]. *Rossiya i ATR – Russia and the Pacific*. 1. pp. 250–260. [Online] Available from: http://www.riatr.ru/2016_1.html).
6. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund M – 1. List 3. (In Russian).

7. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund M – 1. List 23. (In Russian).
8. Komsomol'skaya pravda. (1930) Batal'ony komsomol'tsev – na semennoy front [Battalions of Komsomol members to the seed front]. *Komsomol'skaya pravda*. 16 February.
9. Higher Komsomol School. (1976) *Kurs lektsiy po istorii VLKSM* [A course of lectures on the history of Komsomol]. Vol. 1. Moscow: Izd-vo Vysshey komsomol'skoy shkoly pri TsK VLKSM.
10. State Archive of Social and Political History of Tambov Oblast (GASPITO). Fund P – 379. List 1. (In Russian).
11. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund M – 1. List 2. (In Russian).
12. *Komsomol'skaya pravda*. (1930) 5 March.
13. Danilov, V., Manning, R. & Violy, L. (eds) (2000) *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy* [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dekulakization. Documents and materials]. Vol. 2. Moscow: ROSSPEN.
14. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund M – 1. List 33. (In Russian).
15. Ivnitskiy, A.N. (1994) *Kollektivizatsiya i raskulachivanie (nachalo 30-kh godov)* [Collectivization and dekulakization (early 1930s)]. Moscow: Interfaks.
16. Alekseev, V.A. (1969) *Uchastie komsomol'skoy organizatsii TsChO v podgotovke i provedenii sploshnoy kollektivizatsii sel'skogo khozyaystva (1928–1932)* [Participation of the Komsomol organization of the Central Chernozem Region in the preparation and conduct of the continuous collectivization of agriculture (1928–1932)]. Abstract of History Cand. Dis. Moscow.
17. Kuznetsova, A.M. (1971) *Komsomol – pomoshchnik partii v bor'be za podgotovku provedenie sploshnoy kollektivizatsii sel'skogo khozyaystva na Urale* [Komsomol: the party's assistant in the struggle for the preparation of continuous collectivization of agriculture in the Urals]. Abstract of History Cand. Dis. Voronezh.
18. Berelovich, A. & Danilov, V. (eds) (2001) *Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD: dokumenty i materialy* [The Soviet village through the eyes of the VChK-OGPU-NKVD: documents and materials]. Vol. 3. Book 1. Moscow: ROSSPEN.
19. Alekseev, V.A. (1991) Obshchestvenno-politicheskaya rabota komsomol'skoy organizatsii TsChO v derevne v period "velikogo pereloma" [Socio-political work of the Komsomol organization of the Central Chernozem Region in the village during the "great change"]. In: Esikov, S.A. (ed.) *NEP: ekonomika, politika. Ideologiya* [NEP: economy, politics. Ideology]. Tambov: TIKhM.
20. Ivnitskiy, N.A. (1972) Klassovaya bor'ba v derevne i likvidatsiya kulachestva kak klassa (1929–1932 gg.) [Class struggle in the village, and the elimination of the kulaks as a class (1929–1932)]. Moscow: Nauka.
21. State Archive of Social and Political History of Tambov Oblast (GASPITO). Fund P – 1214. List 1. (In Russian).
22. State Archive of Social and Political History of Tambov Oblast (GASPITO). Fund P – 855. List 1. (In Russian).
23. Viola, L. (2010) *Krest'yanskiy bunt v epokhu Stalina: Kollektivizatsiya i kul'tura krest'yanskogo soprotivleniya* [Peasant revolt in the Stalin era: Collectivization and the culture of peasant resistance]. Moscow: ROSSPEN.

Received: 15 February 2018